

А.Л. Гришунин

Образ автора

Есть в «Книге про бойца», кроме героя-протагониста — Теркина, еще и второй герой, проходящий: через все произведение, — сам автор. Это, конечно, не обязательно лично Твардовский; правильнее, как и в других подобных случаях («Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова и др.), говорить о специально созданном по законам искусства художественно обобщенном образе автора-повествователя, характер которого вырисовывается из произведения; некоторые биографические сведения совпадают с реальной биографией Александра Трифоновича Твардовского. В этом «авторе» очень много «теркинского», разве что он не только «в колхозе», но и «в столице курс прошел...» Он «подружился», сроднился с Теркиным и повсюду ему сопутствует («Теркин — дальше. Автор — вслед»). Теркин, как уже было сказано, феерически талантлив во всем. Таков же по типу талант Твардовского. Он проявился во всем его стихотворном наследии, в его прозе, в речах и литературно-критических выступлениях, в многочисленных письмах, составивших объемистый шестой том собрания его сочинений, в его общественной деятельности, в руководстве журналом; во всем стиле его жизни, в преданности товариществу и семье, в его жизнелюбии, о котором, в частности, свидетельствует его позднее стихотворение «На дне моей жизни...» (1967):

На дне моей жизни,
на самом доньшке
Захочется мне посидеть на солнышке,
На теплом пенушке

И чтобы листва
красовалась палая
В наклонных лучах
недалекого вечера
И пусть оно так,
что морока немалая —

Твой век целиком,
да об этом уж нечего.
Я думу свою
без помехи подслушаю,

Черту подведу
стариковскою палочкой.
Нет, все таки нет,
ничего, что по случаю
Я здесь побывал
и отметил галочкой.

Итог этой жизни блестяще подведен в лирическом отступлении из поэмы «За далью — даль» (глава «С самим собой»):

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.
И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых трои в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.

Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...
Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз,

Ни славы замыслом зеленым,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов —
Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра
И недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом.
И сорок первым.
И иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даваться до поры,
Какие жесткие под силу
Ему ознобы и жары,

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.
Но мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот.
Познать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной лишь малой долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда:
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно —
Никогда.

Лирический герой Твардовского здесь явно автобиографичен, но и здесь обнажается «теркинский» характер самого поэта.

Может быть, все это мог бы сказать о себе и Теркин, так как в самые трудные и смертельно опасные моменты боевой жизни, как, например, во время «боя в болоте», он, как и его создатель, не боится смерти; своих товарищей Теркин поддерживает шуткой, острым, бодрящим словом. И это гармоническое сочетание талантов автора и его героя также обеспечило «Книге про бойца» блестящий успех и долгую жизнь в литературе.

Автор, точнее образ автора, выступает посредником между героем и читателем; он ведет свободный разговор с читателем, присутствие которого также ощущается в поэме. Вся книга написана с уважением к «другу-читателю», которое ощущается не только в прямых к нему интимно-доверительных обращениях; автор преподносит читателю, как самому близкому другу, не подслащенную полуправду о жизни и войне, а «правду сущую» — «как бы ни была горька». Читатель часто приглашается и к проверке авторских суждений. Духовный контакт с читателем, прямая обращенность к нему придает произведению особую лирическую теплоту, приобщая и приближая читателя к автору, к герою, к изображаемым событиям.

Кроме специальной главы «О себе», в окончательном тексте поэмы — три главы «От автора». Это следствие первоначального членения произведения на «части» и публикации его по частям во фронтовой печати. Но произведение от этого только выигрывает: автор четырежды непосредственно обращается к читателю с сокровенным, поэтическое раздумье писателя идет прямо к сердцу читателя.

Лиризмом проникнуты и излюбленные обращения автора (или его героя) не только к читателю, но и ко многим упоминаемым в произведении одушевленным или неодушевленным предметам: к родине, шинели, снаряду (в главе «Дед и баба»), к врагу, сбитому вражескому самолету, собственному сердцу («не части»), к женам, девушкам, пограничному контрольному пункту, к самому себе... Твардовский сделал Теркина своим земляком, уроженцем Смоленщины, родные и близкие которого (как и у самого автора) остались за чертой фронта, в фашистском плену. Об этом говорится в главе «О себе»:

Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил, — за той чертой.

Это обстоятельство усилило лирическую одушевленность и силу произведения. Война для героя и для самого автора становится битвой за родной дом, дорогой к нему. Редко у какого поэта тема «отчего угла», «малой родины» занимает так много места, как у Твардовского; поэту приходилось даже выслушивать в свое время упреки иных недальновидных критиков, упрекавших его в узком, «местном» патриотизме.

Но у автора «Книги про бойца» любовь человека, солдата к своему краю диалектически сочетается с горячей любовью и к «иным краям», ко всей остальной России. Эта любовь отнюдь не противопоставляется ей, напротив — она обусловлена важной для Твардовского темой памяти и выступает в его поэме как одно из проявлений любви к родине вообще. Представление о нашей общей, большой Родине неотделимо от представления о родных местах, в которых впервые человек познавал мир и себя; оно в этом представлении конкретизируется и во многих случаях только через него и возможно. С этого прежде всего Родина и «начинается».

Привязанность к родным смоленским местам Твардовский пронес через всю свою жизнь, и вполне естественно, что этот мотив прошел через все его творчество и, конечно, через поэму «Василий Теркин»:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,

Здравствуй, сына привечай!
Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...
Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Автор не только любит своего героя, но и не скрывает своего единодушия, единомыслия с ним:

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге там ли, сям,
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.

Поэма пронизана теплым и умным юмором, который органично связан с обликом героя и образом автора, и порой трудно установить, исходит ли этот юмор от автора, или от его героя, — настолько они нераздельны и родственны друг другу.

В самом начале поэмы автор заводит разговор о шутке как о насущной необходимости в солдатском быту, наряду с пищей и водой:

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой...

Текст поэмы насыщен «присказками» вроде забавного словечка «сабантуй», подслушанного Твардовским на Юго-Западном фронте, или озорного рефрена: «Пушки к бою едут задом» — с очевидным подтекстом в духе русского простонародного юмора, присловия-загадки. Помимо этого, в произведение включены многие юмористические рассказы и сценки.

Юмористическое на многих страницах переплетается с патетическим и трагическим, но впечатление разностильности при этом не возникает. Симбиоз автора и героя на фоне эпической темы большой войны создает своеобразный лиро-эпический сплав, заставляющий говорить о «Книге про бойца» как о произведении совершенно особого и небывалого жанра. Твардовский не случайно назвал его не «поэмой», а именно «Книгой про бойца». Поэту важна была суть, а не форма. Подзаголовок «Поэма» фигурировал только в первых публикациях отдельных глав в газете «Красноармейская правда».